

Чудинов Сергей Иванович

ИСТОРИОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РАДИКАЛЬНОГО ЭТОСА НЕОЯЗЫЧЕСТВА

Статья посвящена этико-феноменологическому исследованию радикального неоязыческого этоса с позиции раскрытия нравственной основы историософских толкований русской истории и русской идеи в идеологии неоязычества. В ней дана характеристика социального субъекта неоязыческого движения и показана историческая связь нового идеологического радикализма, облеченного в этнонационалистические формы, с нигилистической переоценкой ценностей в дореволюционной России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-1/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 212-215. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 17; 298.9

Философские науки

Статья посвящена этико-феноменологическому исследованию радикального неоязыческого этоса с позиции раскрытия нравственной основы историософских толкований русской истории и русской идеи в идеологии неоязычества. В ней дана характеристика социального субъекта неоязыческого движения и показана историческая связь нового идеологического радикализма, облеченного в этнонационалистические формы, с нигилистической переоценкой ценностей в дореволюционной России.

Ключевые слова и фразы: неоязычество; радикальный этос; историософия; радикализм в современной России; ресентимент; нигилизм.

Сергей Иванович Чудинов, к. филос. н., доцент

Кафедра философии

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)

personally@ngs.ru

ИСТОРИОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РАДИКАЛЬНОГО ЭТОСА НЕОЯЗЫЧЕСТВА[©]

Неоязычество в России, состоящее из широкого спектра разнородных течений (от умеренно-радикального мистического до экстремистского политизированного толка), представляет собой слабо интегрированное и принципиально идейно плюралистичное явление интеллектуального и контркультурного порядка, которое занимает все более значимый сегмент в маргинальном пространстве современного социума и культуры. Последнее время пропаганда неоязыческих трактовок истории в стиле «новой хронологии», смысла родовых ценностей архаичного общества и национального духа русского народа приобретает более распространенный и привлекательный по форме (популярные видеофильмы и пр.) характер. В свою очередь, светский антиклерикализм и массовое сознание в антихристианской полемике все заметней неосознанно оперируют нравственными категориями и аргументами, принадлежащими неоязыческому дискурсу. Неоязычество часто смыкается с националистическими движениями (поскольку строит свою идеологию на своеобразно интерпретируемой этничности) и часто оценивается учеными как вариант радикального или экстремистского национализма. Нет никакого сомнения, что общие константы этоса, которые заложены в духовном фундаменте движения за возрождение дохристианских ценностей в любой из его идеологических вариаций, выражают принцип морального радикализма и духовной оппозиционности, причем не столько в смысле оппозиции политическому режиму или исторически сложившемуся социальному устройству, сколько в значении более глубокого экзистенциального отказа от социокультурных и духовных реалий современного социума и его идеально-нормативной сферы. Последняя представлена в виде иерархии духовно-нравственных и культурных ценностей, заданных многовековой национально-исторической традицией. Этот характер неоязыческого этоса замечается даже в том факте, что при создании собственной доктрины идеологи «родноверия» занимают столько же реконструкцией древних мифологических представлений славян (ариев), сколько опровержением христианства как лжеучения и «троянского коня» в русской культуре. Радикальный этос – общая духовная основа для всего неоязыческого движения в целом. В более политизированных и воинственных по духу течениях он перерастает в настоящий идеологический экстремизм.

Проблема радикального этоса неоязычества многопланова и вряд ли может быть раскрыта подробно в рамках одной скромной статьи. Поэтому нам бы хотелось обратить внимание лишь на один аспект проблемы – историософскую интерпретацию национальной истории, развертывающуюся в рамках феноменологических координат неоязыческого этоса. В данном разрезе проблематики радикального этоса вычленяется несколько важных тем, структурирующих неоязыческий дискурс и мировоззренческий «универсум», – русская идея, понимание традиции, определение роли религиозного начала в историческом и социокультурном процессах. Попробуем развернуть клубок этих вопросов для лучшего понимания феноменологических оснований метафизического протеста современного городского почитателя родовых богов.

Национальная идея – одна из центральных тем неоязыческого дискурса, иногда становящаяся предметом целенаправленного теоретического анализа, но чаще лишь подразумеваемая как исходная для смысло-жизненных и историософских поисков экзистенциальная проблема. Методы теоретической рефлексии над этой темой у адептов неоязыческих течений значительно отличаются от научно-гуманитарного и философского обоснования самобытности национальной жизни и судьбы родного Отечества. Связано это не только с научным или, точнее, квазинаучным дилетантизмом, но также и с характером явных или подспудных этических оценок социальной и исторической действительности, выдающим отчетливую моралистическую тенденциозность.

Если мы обратимся к классикам русской философии, которые положили начало фундаментальной философской рефлексии на тему русской идеи (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, И. А. Ильин и др.), мы заметим, что все они пытаются интуитивно в целостном предметном созерцании увидеть и описать

своеобразие коллективной народной души, имеющей преломление в оригинальных началах культуры (формах культа, искусстве, морали, права), национальной психологии и национальном характере, а также определить духовное предназначение русского народа и его связь с исторической судьбой. В качестве аксиомы здесь принимается целостность исторической ткани, несмотря на все взлеты и падения, радикальные разрывы в традиции и возвращения к ней, в которой соборная душа народа свершает свои интенции и волевые акты. Русская идея выросла из сотериологических исканий русской философии, сочетавшей в себе как опыт православной духовности, так и некоторую степень свободомыслия в отношении церковного учения о спасении: «...Это идея о том, как *сохранить, преобразить и спасти Россию и русского человека*» [3, с. 57] При этом русская национальная идея изначально была чужда какому-либо национализму, поскольку ее экзистенциальным корнем было стремление обретения пути преодоления смерти в самом широком смысле (как гибели личности, народа и человечества), что делает ее не просто решением социальных и духовных проблем отдельного народа, но универсальной идеей «о сохранении, преображении и спасении человека вообще» с перспективой русской ментальности и духовности [Там же].

Для теоретиков неоязычества русская идея, скорее, идеологема, которую следует наиболее верно рационально-логически сформулировать и предложить в качестве основы, «нового закона» для «новой эпохи», способного вновь объединить духовно и нравственно распавшийся русский народ. Вся эта интеллектуальная процедура выдается как теоретическая экспликация первоначального образа национального духа, очищенного от всех позднейших культурных и идеологических наслоений. Сотериология неоязычества не имеет того универсального характера, который присущ традиции русской религиозной философии. Спасение народа и человека здесь видится в целенаправленной этнической самоизоляции, отказа от любых духовных ценностей, которые могут быть определены как универсальные и «космополитические». Апелляция к «этнографическому периоду» культуры (Н. Я. Данилевский), наиболее архаичному ее пласту, теряющемуся в веках и тысячелетиях формирования праславянского племени, считается вполне оправданной в перспективе углубляющегося кризиса цивилизации. Можно подумать, что эту попытку выявления неких исконных, еще «неискаженных» начал русской культуры следовало бы классифицировать в качестве разновидности идейного фундаментализма. Но это фундаментализм только кажущийся. Указанный своеобразный «фундаментализм» не сопряжен ни с ретроградским консерватизмом, цепляющимся за отжившие формы при утере духа национальной культуры, ни со здоровым и гибким традиционалистским мироощущением, для которого ценна своя традиция как хранитель и транслятор родных, имманентных духу своего народа ценностей, нравов, идеалов, обычаев. Он устремлен к культурной основе, сохранившейся лишь в виде развалин бессистемного исторического и этнографического материала, которые волюнтаристски собираются в относительно непротиворечивый искомый образ.

Для живой традиции необходим активный субъект, сохраняющий ее и ретранслирующий из поколения в поколение. Каков же субъект русской истории, носитель национального духа в мировосприятии новых язычников? Субъект представляется затерянным в исторической действительности, утеревшим подлинность социально-исторического бытия. Народная стихия, самоорганизующаяся сила социальной жизни (светлое и подлинное начало исторического бытия) воспринимается захваченной в тиски политической власти (этнокультурно чуждое и репрессивное начало), задушенной институционально и идеологически. Вся история русского народа с определенной временной точки в далеком прошлом (Крещения Руси) есть череда ошибок и падений, и, что важнее, есть объект манипуляции. Ключевой в этой своеобразной герменевтике истории выступает мифологема о Владимире Святославовиче, который из святого равноапостольного князя превращается в изгоя-полукровка и предателя собственного этноса. В русле этой мифологемы сложилась конспирологическая версия реформы языческой обрядности и централизации пантеона князем до принятия крещения как целенаправленного извращения гуманного духа языческой религиозности и первого, подготовительного этапа идеологического переворота в сознании народных масс (см., к примеру, [1]).

Такое мирозерцание можно назвать *историософским гностицизмом*, поскольку народный дух воспринимается как заключенный в оковы ложной исторической судьбы, навязанной могущественными социальными силами с враждебной волей. Причем такое смешение тотально. Это - не просто доминирование этнически чуждой политической элиты над народом страны, не внешнее завоевание, при котором возможна ассимиляция самих завоевателей. Это - захват самого духа и ценностного ядра культуры. Выход из данной ситуации видится в бескомпромиссном нравственном отрицании исторической традиции в сторону возрождения примордиального состояния народа. Так происходит конструирование нового мифа об изначальной расово-антропологической сущности и историческом предназначении русского народа. Миф этот имеет различные вариации, но, так или иначе, облечен в форму славяно-арийской мифологемы. Таким образом, русская идея из национально-культурной, возвышающейся до всечеловеческой сотериологической идеи, превращается в идею этническую. Следствием этого становится формирование *этноцентрического этоса*, который призван создать новое значение «русскости», сводящееся к расово-племенным антропологическим и этнографическим признакам. «Националистический» – не точный предикат для смысловой фиксации характера такого этоса, поскольку, отрицая модернистскую цивилизацию и ее последствия в виде унифицированного государственно-гражданского порядка, технократизма и утилитарной системы ценностей, многие идеологи неоязычества часто отказывают в праве на объективное существование концепту нации. Другие используют его, но наполняют, скорее, дорефлексивным этническим значением.

Если народ на столь длительный период обрел ложные формы исторического и социального бытия, возникает вопрос, возможно ли такое средство, способное сковать на многие века самобытную волю народа? Ответом на этот вопрос будет рассмотрение проблемы роли религиозного начала в историософии неоязычества. Религия, по мнению неоязычников, – это одновременно и средство освобождения, и средство закабаления.

История русского народа и Государства Российского интерпретируется неоязычниками в свете гносеологического скептицизма и априорной аксиологической установки, нацеленной на коренную переоценку роли христианской духовности и Православной Церкви в истории и развитии русской культуры. Что касается гносеологического аспекта, известная историческая реальность не воспринимается в качестве объективной действительности, частично реконструируемой по эмпирическим свидетельствам в соединении с интерпретативным теоретическим компонентом. Более чем тысячелетний период русской истории оценивается как тотально фальсифицированный. Фальсифицирована не только историко-научная реконструкция исторического бытия (в отношении к академической традиции царит тотальный скептицизм и попытка пересмотра всей истории), но фальсифицировано само это бытие с внедрением в него чуждых культурных начал. Христианство оценивается конспирологически как проект идеологического и духовного порабощения славяно-русских народностей Древней Руси.

Согласно историософии неоязычества, в истории столкнулись два религиозных духа, стоящих за социальными силами свободного существования народа или его порабощения. Семитическая религиозность получила свое воплощение в иудаизме, христианстве и, позднее, исламе. Славяно-арийская религиозность легла в основу множества культур индоевропейских языческих народов – славян, индусов, персов, греков и римлян и т.д. Если славяно-арийская религиозность ориентирована на замкнутые этнокультурные сообщества народов, семитическая религиозность имеет экспансивный характер, стремится к агрессивному подчинению своему духу других культур и народов. Далее, что не менее важно, христианство воспринимается как космополитическая доктрина в сравнении с мировоззрением языческим, которое всегда привязано к конкретной этнокультурной общности и выражает ее ментальность. Спасение от наступающих угроз глобализма и всемирного экологического дисбаланса, которые в действительности стали реальностью после разрыва западно-христианской цивилизации с ориентацией на трансцендентные ценности в пользу имманентных, в неоязычестве видится в отказе от универсальных ценностей христианства и каких-либо других мировых религий и попытке воссоздания замкнутой «родовой» модели общества, что на деле представляет собой следование постмодернистской установке децентрализации и спонтанной фрагментации единой национальной культуры, раздробление ее на отдельные субкультурные сегменты и эклектические мировоззренческие проекты.

Интерпретация национальной истории неоязычеством далека даже от самой критично настроенной и проникнутой духом крайнего скептицизма научной методологии. Нравственная оценка здесь первична по отношению к объективной реконструкции исторического процесса. Романтизация архаики времен предков своего народа (и шире – славяно-арийской расы) при отвержении более чем тысячелетней традиционной культуры и духовности русского народа есть не что иное, как *новый нигилизм*.

Мирозерцание неоязыческого движения в современной России компаративно сопоставимо с революционно-народническим духом леворадикальной интеллигенции пореформенного и предреволюционного времени. Более того, оно связано с последним историко-генетически. Об этом свидетельствует наследование ряда феноменологических эмоционально-заряженных концептов, таких, как «государство» (политическая власть), которое воспринимается в качестве экзистенциально чуждой силы, «царства зверя», «народ» в виде пассивного объекта идеологических манипуляций (как со стороны врага-власти, так и собственной – хоть и в завуалированной форме), социальной жертвы с «рабской психологией» [4, с. 129-131].

Субъектом идеологического конструирования системы мировоззрения, несущего метафизический переворот, вновь выступает та же социальная сила – секулярная интеллигенция с радикализированным мирозерцанием. На этот раз она обращается к обществу с проповедью, облеченной в архаические и внешне религиозные формы. Отечественные социологи давно зафиксировали факт преимущественно интеллигентского и городского характера неоязыческого движения: «Не секрет, что уже сегодня во многих регионах Евразии большинство языческих общин составляет так называемая городская интеллигенция, – люди, как правило, оторванные от какой бы то ни было исторической религиозной традиции» [2, с. 302]. Не скрывают этого и сами адепты неоязычества. Скажем, весьма показательно определяет ближайшую задачу движения один из его идеологов: «Большинство современных русских язычников – люди городского проживания и культуры. Но надо попытаться создать хотя бы одну языческую деревню» [6]!

Экзистенциальная оторванность, отколотовость от общенациональной жизни и народного бытия не менее явно, чем у народников ощущается во всей палитре феноменологических реакций и оценок новых язычников. Но механизм компенсации этого экзистенциального переживания избирается совершенно иной, что связано как с изменившимися политическими (либеральная идеология и парламентская демократия с российской спецификой), так и социокультурными условиями (аномичное состояние общественных нравов, дезинтеграция социальных связей, поглощенность социума потребительской культурой). Неоязычество – это новая попытка исхода в «народ», но только не в исторически наличный социум, а в мысленно формируемый гипостазированный образ «славного прошлого» этого социума. Исход не реально-исторический, но метафизический, равный духовному и нравственному эскапизму.

Все эти симптомы говорят о том, что часть маргинальной, теперь уже постсоветской интеллигенции захвачена очередным идейным фантомом. Феноменология ее сознания показывает ту же нигилистическую

ориентацию, что и у дореволюционной интеллигенции. Однако по содержанию этот нигилизм имеет иное аксиологическое наполнение и другую интенциональность. Народническо-революционное мирозерцание, вне зависимости от его вариаций (религиозно-жертвенное сознание, воинственное безбожие с хилиастическими интенциями и др.), имело корреляцию с христианской духовностью и христианским самоотречением, прошедшим через неполную нигилистическую переоценку (этика служения народу как замена заповеди любви к ближнему, социализм как царство Божие на земле, героизм и борьба с правительством как мученичество и принесение в жертву субстанциального «я»). Современное сознание маргинальной интеллигенции, выступающей в качестве субъекта, конструирующей оппозиционную и контркультурную идеологию, своим характером указывает на разочарование в социально-жертвенной этике революционно-народнической и, шире, леворадикальной традиции, которая задала импульс для революционного брожения умов в царской России и впоследствии стала фундаментом советского мировоззрения. Жертвенность, мученичество, самоотверженное служение Богу и ближнему (или народу) – понятия крайне не свойственные неоязыческому дискурсу. И это не случайно, поскольку социокультурные реалии постсоветского состояния русского общества крайне сложно идеализировать. Уже давно нет того русского патриархального быта и чистоты нравов русской провинции, которыми восхищались русские поэты и революционеры-народники, нет и советского коллективизма и товарищеской социальной солидарности, сменившей первое. Все это – достояние былого.

Поворот к этнографическому прошлому, поиск величия в седой древности – вполне закономерный логический ход. Необычна глубина проникновения в мысленно осязаемые исторические пласты прошлого, что указывает на подлинный нравственный импульс такого хода мысли, а именно – акт отречения от существующего исторического и социального бытия, ресентиментный по своей нравственно-психологической сущности. Народническое нигилистическое сознание с его страстным увлечением новой «верой» (социализмом) также было укоренено в ресентиментном мотиве отречения от старых ценностей, где новое было средством радикального отрицания старого [5, с. 132]. Однако народническая этика, сформированная вокруг абсолютизации и сакрализации народной стихии (своеобразное идолопоклонство), сочетала в себе элементы христианской духовности, хоть и в аберрационной форме. Отрицание совокупного социального порядка вместе с Церковью, оборачивалось эсхатологическим исканием новой, обновленной квазихристианской «церкви». В духовном облике неоязычества мотив отречения сочетается с другим ресентиментным мотивом – романтизацией воображаемого прошлого при ценностной девальвации большей части истории российской цивилизации. Если добавить к этому доктринальный пантеизм и природопоклонство (вместо народнического народопоклонства), целенаправленно замещающие теизм и космологический антропоцентризм религий Единобожия, то все это свидетельствует о еще большей степени отстраненности неоязыческого сознания от социокультурных реалий настоящего в его метафизическом бунте против самой истории и онтологических основ национальной культуры.

Подводя итог, следует заметить, что историософские представления неоязычества в минимальной степени – продукт чисто объективно-исследовательского интереса, но в максимальной – отражение определенно-го типа нравственного сознания. Таким образом, историософию неоязычества следует рассматривать в качестве своеобразного проявления его радикального этоса.

Список литературы

1. Емельянов В. Н. Десионизация. М.: Русская правда, 2002. 320 с.
2. Коскелло А. Современные языческие религии Евразии: крайности глобализма и антиглобализма // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: РОССПЭН; Моск. Центр Карнеги, 2009. С. 295-329.
3. Сабиров В. Ш., Соина О. С. Идея спасения в русской философии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 272 с.
4. Чудинов С. И. Терроризм как социокультурный феномен: социально-философский анализ: монография. Новосибирск: НГАСУ, 2007. 204 с.
5. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука; Университетская книга, 1999. 231 с.
6. Щеглов А. Языческая заря: перспективы языческого движения [Электронный ресурс]. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2002. URL: http://royallib.ru/book/shcheglov_aleksey/yazicheskaya_zarya.html (дата обращения: 20.08.2012).

HISTORIOSOPHICAL ASPECTS OF RADICAL ETHOS OF NEOPAGANISM

Sergei Ivanovich Chudinov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering
personally@ngs.ru

The author presents the ethical-phenomenological research of radical neopagan ethos from the position of the moral basis disclosure of the historical-philosophical interpretations of Russian history and Russian idea in the ideology of neopaganism, gives the characteristic of neopagan movement social subject, and shows the historical connection between new ideological radicalism, presented as ethno-nationalist forms, and the nihilistic revaluation of values in pre-revolutionary Russia.

Key words and phrases: neopaganism; radical ethos; historical philosophy; radicalism in contemporary Russia; resentment; nihilism.